

Утесов Леонид Осипович

1.5.95

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Аркадий БЕРНШТЕЙН

Жизнь Леонида Осиповича Утесова, полная неожиданностей и противоречий, труднодоступна для юбилейных статей, великое множество которых появилось в печати к 100-летию артиста. Беззаботный человек, неугомонный весельчак, балагур, лукавый одессит, легко шедший "с песней по жизни", — это скорее миф. Да, Утесов был удивительно жизнелюбив и общителен, но близкие друзья нередко наблюдали его печальным. Композитор Никита Богословский недавно сказал: "Иногда мне думалось, что Утесов ощущает себя в чем-то несчастным человеком".

Одесса — мама, и я ее прощаю

Старший брат Утесова Михаил и три его родные сестры получили высшее образование. А самый талантливый и непутевый из семьи Лёда, как его называли в детстве, так и остался с неполным средним, над чем нередко подтрунивал.

Маленький Лёда был музыкальным самородком. В 15 лет играл на нескольких инструментах. Как в 20, так и в 70 лет мог запоминать и напевать большие куски из сложных произведений Моцарта, Чайковского... Но его детская мечта стать знаменитым дирижером симфонического оркестра так и не осуществилась.

...Он всегда возмущался, когда эстраду называли низким или площадным искусством. Такое мнение он услышал однажды в санатории, где отдыхали крупные обкомовские чины. Утесов решил, что переубедить этих людей могут только факты из жизни их вождя. "А знаете ли вы, — сказал он как-то, — что Ленин часто ходил в театрик на Монмартре, чтобы послушать известного эстрадного шансонье Монтегюса?" Партийцы замолчали. Но один из наиболее упрямых решил уязвить: "Но вы же не Монтегюс!" — "Но и вы не Ленин!" — парировал Утесов.

...Роль Одессы в художественном становлении Утесова нередко преувеличивается. Решающее влияние на него, безусловно, оказала российская культура, особенно творческая атмосфера Москвы и Ленинграда. В начале 30-х Л.О. пишет в Москву: "Принимают меня в Ленинграде, как в Одессе никогда не принимали. 40 концертов в огромных помещениях, и достать билет невозможно. Никто столько не кричит об Одессе, как я, и никому она не причиняет столько огорчений, как мне. Ну и Бог с ней. Бывают мамы, которые плохо относятся к своим детям. Одесса — мама, и я ее прощаю. Крепко целую вас всех. Л. Утесов".

А ты разве Петя, а не Пиня?

Урожденный Лазарь Иосифович Вайсбейн, воспитанный в бедной еврейской семье одесского мещанина, он в течение многих лет жил в мире еврейских культурных и религиозных традиций. Мальчиком пел в синагоге, исполнял еврейские песни на свадьбах. Превосходно владел языком идиш. С детства под влиянием отцовских рассказов о черте оседлости и т.д. в нем сформировалось подсознательное чувство страха перед погромами.

...Как-то раз его приятель П. Кримерман задал Утесову вопрос: "Разве ты Леонид?" Утесов усмехнулся и ответил: "А ты разве Петя, а не Пиня?" ...Однажды в Доме кино Н. Богословский познакомил Л.О. с французским певцом и композитором Франком Лемарком. Завязался оживленный разговор, к которому подключился Марк Бернес. Богословский успешно справлялся с ролью переводчика, и вдруг все трое — Утесов, Бернес и Лемарк — быстро заговорили на идиш. "И тогда я, — рассказывал мне композитор, — попросил, чтобы они переводили для меня свою беседу на

НЕЮБИЛЕЙНЫЙ Л.О.

... По словам М. В. Лебедевой-Кумач, Утесов прервал отношения с одним из своих хороших знакомых после того, как тот в пьяном опьянении выдал ему такой "комплимент": "Какой ты хороший человек, Л. О., как будто и не еврей".

А что говорят обо мне вожди?

Народ признал артиста гораздо раньше, чем официальные власти. В середине 30-х об Утесове сознательно распространяли слухи, будто он совершил неудачную попытку побега за границу и был задержан пограничниками. Совершенно очевидно, что в этой акции видна рука НКВД, выполнявшего чье-то указание сделать Л.О. невыездивым, запретить ему гастроли за границей.

За свою работу в "Веселых ребятах" он получил... фотоаппарат, над чем потешался всю жизнь. Все это выработало у Л. О. определенный психологический комплекс, убеждение, что его творческая деятельность не получила должной оценки, что он чем-то неугоден сильному миру сего. Все это определило некоторые особенности его поведения. По словам Р. Ширмана, друга и земляка Л. О., он уничтожил все свои фотографии с репрессированным И. Бабелем. Однако позже поддержал деньгами М. Зощенко, когда писатель остался без средств к существованию.

Артист, которому молва приписывала и дерзость, и необычайную смелость поступков, уже в 30-е годы стал весьма осторожным человеком. П. М. Кримерман рассказал мне: однажды, когда у него в служебном кабинете был Л. О., неожиданно появился артист Л. Милов и в довольно резкой форме завел разговор о том, что если человек провел долгие годы в государственном тюрьме, то он не может быть по-настоящему свободным. Сославшись на занятость, Л.О. быстро попрощался и ушел.

Сталин относился к нему без особых восторгов, но с популярностью утесовского джаза не считался не мог. Л. О. не раз приглашали в Кремль. Однажды в 1937-м по просьбе Сталина, который, в свою очередь, выполнял "казак" героев-летчиков, артист исполнил запрещенную в те годы блатную песню "С одесского кичмана". Кстати, выступая на Лубянке, он исполнял по просьбе чекистов весь запрещенный репертуар. Любил Утесова и Брежнев. Общась со своим хорошим приятелем П. Кримерманом — журналистом, генеральным директором объединения "Кинолюбитель", встречавшимся и с Хрущевым, и с Брежневым, Л.О. нередко с напряженным любопытством спрашивал: "Петя, а что обо мне говорят наши вожди?"

Первое звание Заслуженного артиста республики Л.О. получил в 47 лет. А в 70 стал первым Народным арти-

Томас - 1995 - 1-14 апр. - е.11

ГОЛОС № 18-19, 95 • СТР. 11

медии в значительной степени стал возможен благодаря Утесову. Друзьям он посвящал такие мудрые строки:

Я в людях выстроил музей,
Он нужен людям вне сомнений,
И в нем сомнительных друзей
Я выставил для обозренья.
А в надписях бы всех оповестил:
Вот гад. Предатель и нахал.
И этот вот в глаза мне льстил,
А за спиной всегда ругал.
Но жить без дружбы я не мог.
И должен в этом вам признаться.
И снова я друзей ищу,
Чтоб снова в них разочароваться.

какая Белла?" — поинтересовался он. — "Танцовщица из ансамбля". — "Эту пишите через два 'б'", — спокойно резюмировал Утесов.

Поцелуй — это звонок со второго этажа, чтобы открылся первый

Леонид Осипович, — вспоминала Марина Васильевна Лебедева-Кумач, — сказал мне как-то шутливо: "Я женился в 17 лет и по существу холостяком не был, не отгулял свое..."

Меж тем у женщин он пользовался огромным успехом. В 20-40-е годы в его личной жизни было много любовных радостей и разочарований. Друзьям Л.О. говорил, что женщину вначале нужно окружить вниманием, нежностью, создать соответствующее настроение и только потом целовать. "Поцелуй, — утверждал он, — это звонок со второго этажа, чтобы открылся первый". Свою жену, Елену Иосифовну Голдину (по сцене Ленскую), глубоко уважал и ценил как верную хранительницу домашнего очага и семейных традиций. А та без всякой иронии называла себя женой гастролера, ибо Л.О. гораздо чаще выступал на периферии, нежели в Москве. Иногда она ездила с ним на гастроли, где старалась создать для мужа подлинно домашний уют. Елена Иосифовна была хлебосольной хозяйкой, охотно принимала гостей. К ним постоянно приходили М. Миронова и А. Менакер, Л. Русланова, Т. Церетели, И. Прут, Д. Гутман, А. Эскин, Р. Зелена, А. Бек-Назаров, В. Лебедев-Кумач, И. Дунаевский...

Их брак с Еленой Иосифовной сохранился благодаря удивительной терпимости этой женщины. Еще до войны, узнав, что Л.О. и его возлюбленная встречаются зимой в плохом отопляемом помещении, она послала туда дрова и написала сопернице записку с просьбой лучше отапливать комнату, т.к. "Лёня может простудиться".

Когда в 1962 году Елены Иосифовны не стало, Леонид Осипович долго ощущал себя осиротевшим.

Такое у меня еврейское сердце

После смерти жены Л.О. тяжело заболел. В декабре 1966-го с ним случился сердечный приступ прямо на сцене ЦДСА. Так завершилась артистическая карьера Л.О. Теперь большую часть времени он проводил дома, мучительно переживая свое одиночество и беспомощность в быту. Занимался фотографией, снимал пейзажи, портреты друзей, часами рассматривал старые снимки. Аккуратно раскладывал письма, документы, памятные вещицы, обдумывая, в какие архивы и музеи Москвы, Ленинграда, Одессы их передать. Слушал симфоническую музыку. Иногда — свои старые пластинки, восхищаясь мастерством джазменов, которых в свое время чересчур ругал, требуя, чтобы они играли с "распахнутыми сердцами и горячими душами". Он плакал, не стесняясь присутствия родных, друзей, и говорил: "Что поделаешь? Уж такое у меня еврейское сердце".

Но больше всего времени отдавал книгам. Он знал наизусть почти всего Пушкина. Из советских писателей высоко ценил Ч. Айтматова, но почему-то отвергал писателя-земляка В. Катаева и весьма отрицательно отнесся к роману В. Пикуля о Распутине.

Эпиграфом к утесовской жизни последних семи — десяти лет могут быть его собственные грустные слова: "Каким я был — таким я и остался".

Скончался его зять кинорежиссер А. Гендельштейн. Потом тяжело заболела обожаемая дочь Эдит. Мечта артиста иметь внуков так и не сбылась.

Л.О., несомненно, тревожило и неприятие дочерью бывшей балерины утесовского ансамбля А. Ревельс, его подруги, много помогавшей семье по хозяйству. Чья память матери, Эдит решительно возражала против женитьбы Утесова на бывшей танцовщице.

Смерть Эдит стала для Л.О. тяжелейшим ударом. Став еще более одиноким, он зарегистрировал вскоре свой брак с А. Ревельс. Однако два месяца спустя, отдыхая в подмосковном санатории "Архангельское", почувствовал себя плохо и на следующий день, 9 марта 1982 года, умер.

Сначала артиста хотели похоронить на Ваганьковском кладбище. Но Л. И. Брежнев и политбюро ЦК КПСС решили, что местом захоронения Л. О. Утесова станет Новодевичье...

Фотографии и документы из архива автора.

На концерте в честь 80-летия Утесова (1975 год).

том СССР на эстраде. Однако он остро переживал, что не получил ни Сталинской премии, ни звания Героя Социалистического Труда, хотя и представлялся к этим наградам...

Друзья и недруги

У Л.О. было множество друзей, в том числе и таких, которых он сам называл "сомнительными". После первых успехов его джаза появились и враги, распространявшие за спиной артиста нелепые слухи приверженности утесовского коллектива к "хулиганско-босаяцкой романтике".

Один из недругов артиста, весьма непорядочный эстрадный администратор Павел Леонидов, уехавший в США, в своей книге "Высоцкий и другие" (Нью-Йорк, 1983 г.) обвинил Л.О. и его семью в скупке за бесценок антиквариата и ювелирных украшений у людей, выславшихся из Москвы и Ленинграда по причине политической неблагонадежности. Вздор! Этого не было никогда.

Среди тех, кого Л. О. не считал своими доброжелателями, был и кинорежиссер Г. Александров, забывший, что его успешный дебют в жанре киноко-

Н. Богословский вспоминал, как десятилетним ребенком он оказался в гостях на ленинградской квартире Утесова и случайно разбил большую старинную вазу. Л.О. подошел к плачущему мальчику и, тяжело вздохнув, сказал: "Ты не плачь, эта ваза не такая уж новая, ей уже более двухсот лет".

А вы любите изжогу?

Розыгрыши, "хохмы" были частью его веселой души и рождались мгновенно, в результате естественной импровизации. Его талант рассказчика ярко проявлялся в анекдотах и смешных историях, которые он извлекал из собственной жизни.

Юмор всегда согревал его. О своем редакторе, русской женщине Л. Булгаке, он говорил: "Вольноопределяющаяся еврейка". Шутил, намекая на склонность евреев к острой пище: "Еврей любит изжогу". А на вопрос, что сам он больше всего предпочитает, ответил: "Завтрак, обед и ужин".

Однажды его спросили на работе: "Леонид Осипович, имя Белла пишется через одно или два 'л'?" — "Это ка-